

Спустя три дня непрерывного снегопада Е превратился в серебристо-белый мир.

Прошло три дня с тех пор, как Ли Яньцю прибыл в Е.

Уже рассвело, и Дуань Лин был заключен в объятия У Ду. Они оба были полностью обнажены, Дуань Лин обвивался вокруг У Ду, потираясь кожей о кожу, и крепко спал.

— Господин Ван, — сказал за дверью Шулюй Жуй. — Наш гость интересуется, не проснулись ли вы.

Дуань Лин сонно ответил:

— Я проснулся. Пожалуйста, попроси его подождать пару минут.

У Ду нахмурился и еще крепче прижал к себе Дуань Лина. Шулюй Жуй ждал снаружи, поэтому У Ду сказал ему:

— Мы скоро придем. Тебе пока лучше вернуться.

Шулюй Жую ничего не осталось, как уйти. Дуань Лин беспокойно заерзал в руках У Ду, и все его поглаживания привели У Ду в возбужденное состояние. Он перевернулся, прижал Дуань Лина к себе и на боку медленно вошел в него. Дуань Лин только-только проснулся и еще не до конца пришел в себя. Крепко схватив У Ду за руку, он умолял его быть понежнее.

Получив удовлетворение, У Ду поднял Дуань Лина, чтобы помочь ему помыться.

Когда Дуань Лин, казалось, торопился уйти, У Ду добавил:

— Пусть подождет еще немного. К чему такая спешка?

У Ду был единственным человеком в мире, который осмелился бы заставить императора ждать. Дуань Лин сказал:

— Единственная причина, по которой он не может вынести моего отсутствия, в том, что мы только познакомились. Подожди немного, и он перестанет так себя вести.

У Ду выпил немного вина накануне вечером, и его голова все еще раскалывалась от похмелья. Он зевнул и вместе с Дуань Лином побрел в главный зал. Ли Яньцю уже давно его ждал.

— Я думал, ты вчера лег спать пораньше, — сказал Дуань Лину Ли Яньцю, — и утром проснешься с рассветом.

Но ранний отход ко сну не означал скорого погружения в сон. После долгой разлуки Дуань Лин и У Ду посвятили ночь истомам страсти, а наутро вновь занялись этим. Он смущенно потупил взгляд:

— Я был так взволнован прошлой ночью, что с трудом заснул.

За завтраком Дуань Лин рассказал ему о том, что происходило в Е, но Ли Яньцю, казалось, совсем не беспокоил сам город. А вот то, как Дуань Лин управлял им, его, похоже, очень волновало. На каждом решении Ли Яньцю не спрашивал о том, что вышло, а только о его мотивах.

— Как ты до этого додумался? — спросил Ли Яньцю.

— Уф... — ответил Дуань Лин. — Понятия не имею. Это просто внезапно пришло мне в голову. Во всяком случае, долина Хэйшань просто лежала без дела.

После завтрака Дуань Лин предложил им прогуляться, и Ли Яньцю, естественно, охотно согласился. Выйдя на горную тропинку за помещьем губернатора, они вдвоем поднялись в гору.

— Я попрошу Чжэн Яня остаться с тобой. Если У Ду будет занят, то рядом будет кто-то, кто обеспечит твою безопасность.

Чжэн Янь и У Ду следовали за ними, но ни один из них ничего не говорил.

— Нет, — ответил Дуань Лин. — Я беспокоюсь о тебе, дядя.

— Во дворце ничего не случится. Со мной будет Се Ю, так что все останется по-прежнему.

Но Дуань Лин продолжил настаивать, и Ли Яньцю пока осталось только исполнить его желание. Когда они добрались до горячих источников, Дуань Лин спросил:

— Дядя, не хочешь немного понежиться в горячих источниках?

Ли Яньцю с радостью согласился. У Ду и Чжэн Янь стояли на страже снаружи, а Дуань Лин помог Ли Яньцю раздеться, и они зашли в горячий источник.

У Ли Яньцю была светлая кожа, и когда он отмокал в воде, это напомнило Дуань Лину о том, как он ходил с отцом в купальню в Шанцзине. Дядя был широк в плечах и тонок в талии, телосложением похож на отца, но у него не было такой мышечной массы, которую отец приобрел за годы занятий боевыми искусствами, поэтому от него больше веяло благородством.

— Когда я в Е, — произнес Дуань Лин, — я часто прихожу сюда, чтобы окунуться в воду и полюбоваться пейзажами внизу.

— Мой сын и вправду способен жить где угодно, — сказал Ли Яньцю, рассеянно скользнув взглядом по Е, раскинувшемуся у подножия горы.

Дуань Лин застенчиво улыбнулся.

— Если я верну тебя во дворец, не будет ли это тебя сковывать?

— Нисколько. Раз ты уже признал меня, как я могу не вернуться?

Эти слова Дуань Лина были искренними — Ли Яньцю был единственной семьей, которая у него осталась. Помимо У Ду, этот дядя был самым важным для него человеком в мире. Он должен был вернуться, даже если ему придется терпеть одиночество во дворце.

Во всяком случае, пока У Ду рядом с ним, они смогут время от времени отлучаться, так что все в порядке.

— Мы останемся еще на несколько дней, — сказал Ли Яньцю, — а потом ты уедешь со мной. Давай первым делом вернем тебя на твое место при дворе.

Снаружи, за деревом, Чжэн Янь осторожно произнес:

— Ваше Величество.

Дуань Лин заглянул за дерево и перевел взгляд на Ли Яньцю. Но тот как ни в чем не бывало сказал:

— Я принял решение забрать Жо-эра во дворец. Мы захватим с собой и Улохоу Му.

— Подожди. Дядя, нам нужно все хорошенько обдумать.

— Тут нечего обсуждать, — ответил Ли Яньцю. — Единственное, на что может рассчитывать самозванец, — это на свою личность наследного принца.

Как они могли вот так в один момент сменить наследника престола? Одно дело, если бы Дуань Лин был сыном Ли Яньцю, но они оба — дядя и племянник, а значит, в этом деле был замешан покойный император Ли Цзяньхун. Престолонаследие Ли Яньцю после смерти брата было само собой разумеющимся, а Дуань Лин — сын Ли Цзяньхуна. Придворные молчаливо одобрили, что сын Ли Цзяньхуна будет следующим в очереди на трон Великой Чэнь.

Но Ли Яньцю не имел права решать, кем является Дуань Лин. Он, может, и был императором, но когда речь пойдет о доказывании того, кто его племянник, он выступит лишь в роли свидетеля. Он не мог просто так, по своему усмотрению, сменить наследного принца.

Иными словами, если они хотят сместить Цай Яня, которого уже признал двор Южной Чэнь, и провозгласить наследником Дуань Лина, им понадобятся достаточные доказательства того, что именно он, а не Цай Янь, является настоящим наследником.

За последние несколько дней Ли Яньцю уже успел обсудить с Дуань Лином отсутствие доказательств. Даже если Лан Цзюнься подтвердит их историю, он всего лишь свидетель, а значит, есть подозрения в сговоре. Им нужно больше обоснований.

Если им не удастся привлечь на свою сторону всех чиновников императорского двора во время первой же конфронтации, то возникнет очень щекотливая ситуация. Придворные не смогут ни убедиться в том, что Цай Янь — самозванец, ни признать, что Дуань Лин — настоящий. В итоге им все равно придется ждать новых доказательств, держа обоих «наследных принцев» во дворце до тех пор, пока все не убедятся.

В этот период непредвиденных перемен, когда вовлечение все большего числа сановников в борьбу за влияние могло дать Му Куанда возможность воспользоваться ситуацией, Дуань Лин понимал: Ли Яньцю, терпевший так долго, уже начинал терять выдержку.

Характер Ли Яньцю, как и у его отца, был вспыльчивым — разница лишь в том, что дядя был грубоват, а отец сдержан. Несмотря на обычную утонченность и учтивость, Ли Яньцю не знал жалости, когда речь шла о расправах.

— Дядя, — сказал Дуань Лин. — Дело во мне. Я еще не готов.

Ли Яньцю вздохнул и, подняв руку, погладил его по голове.

Чистое небо простиралось на тысячу ли, синева над головой не была затянута облаками. Зимние солнечные лучи согревали его кожу.

— Тогда я подожду, пока ты будешь готов, и мы вернемся вместе, — произнес Ли Яньцю.

Дуань Лин немного растерялся — сейчас была середина зимы, двенадцатый месяц, и со дня на день наступит Новый год. Все дела — поклонение предкам, благополучие государства, отчеты за прошлый год, планы и бюджет на новый — оставались нерешенными. Как император мог находиться вдали от столицы?

Дуань Лин пристально уставился на Ли Яньцю; даже он понимал, что сказал это в порыве гнева. Он вымученно улыбнулся Дуань Лину.

— Жо-эр. Хоть мне это и не нравится, но я должен признать, что здесь ты в большей безопасности.

— Ну что ж, значит, так тому и быть. Через несколько дней Чжэн Янь проводит тебя обратно в Цзянчжоу.

Ли Яньцю закончил отмокать в горячем источнике и вышел; чтобы не простудиться, Дуань Лин поспешил за ним, намереваясь вытереть его, но Ли Яньцю попросил его сначала одеться. Переодеваться ему было не во что, поэтому он надел халат У Ду, и они рука об руку спустились с горы.

***

В течение следующих нескольких дней Ли Яньцю все меньше желал отпускать Дуань Лина. Тот пытался обсудить с ним государственные дела, но Ли Яньцю не хотел заниматься ничем, кроме пустой болтовни. Он говорил о политике только тогда, когда Дуань Лин доставал его настолько, что у него не оставалось другого выхода.

— Нынешняя расстановка сил была создана твоим дедом намеренно, — когда они дошли до текущего положения вещей, Ли Яньцю объяснил Дуань Лину следующее. — Семья Ли не стремилась любой ценой переехать в Сычуань. Это была сделка с Яо Фу. Она предусматривала, что Яо Фу будет следить за провинциями к югу от Хэбэя и Шанцзы, но на самом деле это означало, что эти регионы попадут под его влияние.

— Тогда как Чжао Куй вообще пришел к власти? — спросил Дуань Лин.

— Чтобы не дать Яо Фу стать слишком могущественным, нам нужен был кто-то, кто мог бы ему противостоять. Чжао Куй был родом с центральной равнины, и у него была армия. Вернувшись со своим войском в Сычуань, он не смог бы многого добиться из-за незнания региона. В свою очередь, твой дед использовал семью Му из Сычуани, чтобы поделить власть с Чжао Куем. Это был единственный способ обеспечить стабильность императорского двора.

— Первоначальный план состоял в том, чтобы разделить время на десятилетия. В первое десятилетие использовать налоги Сычуани для поддержания войны на северном фронте, отвоевать наши территории и продвинуть границу до Великой стены.

Только теперь Дуань Лину все стало ясно — значит, все это было частью плана!

— Во втором десятилетии, когда северный фронт будет прочно закреплен, оставить Сычуань и снова перенести столицу в Цзянчжоу, сосредоточившись на благосостоянии нашего народа и подготовке к северной военной кампании третьего десятилетия.

— Но план не поспевал за переменами, — произнес Дуань Лин. — Сейчас цель не достигнута.

— Верно, — вздохнув, сказал Ли Яньцю. — Проблемы начали возникать уже в первое десятилетие. Му Куанда и Чжао Куй хоть и влиятельные чиновники, но в конечном счете они всего лишь подданные двора. Если бы мы действительно захотели избавиться от них, не задумываясь о последствиях, мы могли бы это сделать. Фамилия императорской семьи по-прежнему будет Ли. Все эти земли, которые ты видишь, принадлежат нам — тебе и мне. Сын мой, ты не должен их бояться. Если будешь слишком любезен, ты дашь им палец, они и всю руку откусят. Они попытаются захватить твои земли и узурпировать твою власть.

Дуань Лин осознал главное отличие Ли Яньцю от Му Куанды: как бы тот ни понимал Южный Чэнь, Му Куанда всегда относился к управлению государством как старательный управитель. Даже лелея честолюбивые мечты о троне, канцлер не мог избавиться от мышления слуги — и потому не смел считать эти земли своими.

Причина была проста: без законных оснований и легитимности, власть изначально принадлежала не роду Му, а была завоевана предками династии Ли. Исторически придворные, захватывающие трон переворотами, редко доживали до мирного конца — ведь, в отличие от основателей династий, они не проливали кровь за каждую пядь земли, и их видение оставалось ограниченным.

Ли Яньцю же воспринимал страну с позиции истинного хозяина. Как учили Дуань Лина в Прославленном зале: «Поднебесная — его семья», и «Вся империя безраздельно принадлежит императору»*.

* Первое выражение упоминается в «Вэй шу» («История династии Вэй»):

Идея конфуцианской этики — мудрый правитель управляет страной как заботливый глава семьи, ставя интересы народа выше личных. Второе выражение уже упоминалось в новелле и несет схожий посыл про ответственность императора за свои земли.

Ли — единственные, кто имел абсолютное право на владение землей.

Дуань Лин спросил:

— Тогда почему все пошло не так в первое десятилетие?

— Твой дед был прикован к постели и делегировал слишком много полномочий, позволив семье Му довольно быстро стать могущественной. Если бы он мог сам управлять ситуацией, многого можно было бы избежать.

— Но ведь рано или поздно Му должны были стать могущественными.

Ли Яньцю в знак согласия хмыкнул.

— Вот почему нам пришлось перенести столицу после первого этапа. После переезда в Цзянчжоу, пока у нас есть поддержка цзянчжоуской знати, завершив передачу власти, мы сможем избавиться от него. В оставшиеся годы ты должен будешь помочь дворянству Цзянчжоу противостоять Хуайинхоу.

Дуань Лин замолчал.

Немного подумав, Ли Яньцю добавил:

— У Яо Фу есть малолетний сын, неспособный нести такую ответственность. Когда Яо Фу уйдет из жизни, контроль над Хуайином в конце концов вернется к нам. С приходом времени тебе придется столкнуться с борьбой за власть среди южных кланов. Разбей их фракции, подави и уравнишь силы. Нельзя допустить, чтобы кто-то стал слишком могущественным — даже Се Ю.

Дуань Лин ответил:

— Я понял.

— Искусство управления страной — искусство контроля над балансом сил. Но в одном твой отец был прав: в ближайшее десятилетие нам следует грамотно распределять полномочия и не рисковать централизацией. Ведь сановники тоже отдают все силы, служа тебе. Нельзя допустить, чтобы наше стремление к твердой имперской власти привело к восстаниям. Иначе рано или поздно все пойдет наперекосяк.

— Так и есть, — ответил Дуань Лин. — В тот день, когда мы с мастером Фэй Хундэ обсуждали земельный вопрос, мы оба пришли к выводу, что это острая проблема.

— Я помню, что ты поднимал эту тему и на экзамене во дворце. Уверен, у тебя уже есть представление о том, что делать после возвращения. Ты не такой, как твой дядя, твой отец или даже твой дедушка. Ты единственный из всей императорской семьи за всю нашу историю, кто имеет такой опыт. Возможно, это провидение распорядилось так, что ты вырос среди людей. Тебе небезразличны их страдания. Когда-нибудь, когда эта империя перейдет к тебе, я уверен, ты сможешь смести нынешнее упадническое направление и приветствовать новый процветающий век.

— Это слишком сложно, — покачал головой Дуань Лин. — Многие вещи связаны между собой, и если я изменю что-то одно, это повлияет на все остальное. Я не знаю, с чего начать.

— Город не строится за один день, что уж говорить о стране? Тебе только исполнилось семнадцать. У тебя еще много времени, чтобы подготовиться.

Дуань Лин кивнул, и Ли Яньцю продолжил:

— То, что я смог снова встретиться с тобой, — это милость, оказанная семье Ли самими Небесами. Это не те вещи, о которых я хотел бы говорить с тобой, но ничего страшного в этом нет. Неважно, давай сегодня же навестим Улохоу Му и посмотрим, что он скажет. Но, судя по тому, что я о нем знаю, он, скорее всего, не испытывает никаких угрызений совести за содеянное.

У Дуань Лина защемило в груди. Он и подумать не мог, что Ли Яньцю наконец-то соберется встретиться с Лан Цзюнься.

— Я приведу его сюда, — сказал Дуань Лин.

— Я схожу к нему сам, — ответил Ли Яньцю. — Возьми с собой У Ду.

Ли Яньцю и Дуань Лин пришли в боковое крыло, а за ними последовали У Ду и Чжэн Янь. Лан Цзюнься дремал, а когда Дуань Лин открыл дверь, он перевернулся. Увидев его, он медленно поднялся.

— Улохоу Му, — сказал Ли Яньцю. — Я искал тебя повсюду, но никогда не думал, что найду тебя здесь, задремавшим. Ну, у тебя точно много свободного времени.

Когда Лан Цзюнься увидел Ли Яньцю, он на мгновение вздрогнул, как будто его что-то встревожило, но быстро пришел в себя.

— Ваше Величество, — произнес Лан Цзюнься и поднялся с кровати. Он предстал перед Ли Яньцю в белых нижних одеждах.

— Тебе есть, что объяснить? — обратился Ли Яньцю.

— Нет, — ответил Лан Цзюнься. — Я осознаю свою вину.

— Да ну, ты здорово меня удивил.

Лан Цзюнься просто стоял, уперев руки в бока, и молчал.

— Может быть, ты думал, что я приду просить тебя дать показания на суде? — невзначай произнес Ли Яньцю. — Ты снова ошибся.

Лан Цзюнься бросил взгляд на Дуань Лина.

— Даже без твоих показаний, — сказал Ли Яньцю, — я своими руками могу покончить с этой глупой ошибкой, которую ты сотворил. Я пришел сегодня только для того, чтобы услышать

твое раскаяние.

У Ду и Чжэн Янь уставились на Лан Цзюнься.

— Мой сын как-то сказал мне, — продолжил Ли Яньцю, — что, когда он был в Шанцзине, именно ты вырастил его и научил читать и писать. Я в долгу перед тобой за то, что ты воспитал наследного принца Великой Чэнь. И если бы ты забрал того самозванца с собой в Сычуань после падения Шанцзина ради стабилизации политической ситуации, это было бы, по крайней мере, оправданно. Но ты обнаружил, что он еще жив, и отравил его в попытке убить, такое преступление я не могу тебе простить.

— Я знаю, — произнес Лан Цзюнься.

— Раз ты уже знаешь, — сказал Ли Яньцю, — то поступай так, как считаешь нужным.

Как только он закончил речь, раздался металлический звон — Чжэн Янь достал из ножен меч, и он с лязгом упал на землю перед Лан Цзюнься.

Дуань Лин молча смотрел на него.

Лан Цзюнься медленно нагнулся и поднял клинок с пола.

— Подожди! — сразу же произнес Дуань Лин.

Кроме Лан Цзюнься, все остальные в комнате обернулись и уставились на Дуань Лина. Все ожидали, что он это скажет.

Цзыдяньцзиньман отражал на себе взгляд Лан Цзюнься.

— Давайте пока сохраним ему жизнь, — сказал Дуань Лин.

Прошло совсем немного времени с тех пор, как он воссоединился со своим дядей, а он уже бросил вызов воле императора. Он с опаской поглядел на Ли Яньцю. Тот, похоже, только этого и ждал.

— За что ты его щадишь? — спросил Ли Яньцю. — Ты хочешь, чтобы он искупил свои преступления? Разве ты не видишь, что его сердце не лежит к этому? Неужели ты не понимаешь, что он просто хочет быстрой смерти?

В голове Дуань Лина звучала мольба, чтобы Лан Цзюнься попросил о пощаде. Но Лан Цзюнься ничего не говорил, а просто стоял на коленях на полу, положив обе руки на лезвие

Цзыдяньцзиньмана. Скажи это! Скажи, что искупишь свои преступления. Иначе как я смогу тебя пощадить?

— Я пока не хочу его убивать, — с досадой произнес Дуань Лин.

— А мне хочется его убить. Сын мой, если ты желаешь пощадить его, ты должен дать повод.

Все присутствующие понимали, что преступление Лан Цзюнься было непростительно. Даже если ему удастся пережить сегодняшнюю встречу с Ли Яньцю, как только он вернется в Цзянчжоу, придворные потребуют предать его смерти. Его преступление было гораздо серьезнее, чем ложь императору, — он обошелся со всем двором Великой Чэнь, состоящим из гражданских и военных чиновников, так, будто они вообще были пустым местом!

— Ты искупишь свои преступления, — дрожащим голосом сказал Дуань Лин. — Улохоу Му, еще не поздно раскаяться. По крайней мере, сейчас я тебя не убью.

— Его Высочество дает тебе шанс начать все сначала, — холодно процедил Ли Яньцю. — Ты должен сказать хотя бы что-то, чтобы он не испытал неловкости из-за отказа, Улохоу Му. Иначе, если об этом станет известно, ты, возможно, умрешь, и все твои проблемы закончатся, но как, по-твоему, Его Высочество будет продолжать держать голову высоко поднятой?

Дуань Лин чувствовал, что Ли Яньцю злился. Именно так он говорил, когда был рассержен. Язвительно, спокойно и в то же время устрашающе.

— Я благодарю Ваше Высочество за эту милость, — ответил Лан Цзюнься. — Я, преступник Улохоу Му, изменю свой путь и начну все заново.

Услышав это, Дуань Лин почувствовал, как с его груди свалилась огромная тяжесть. Ли Яньцю ничего не сказал и, отвернувшись от них, вышел из комнаты. Дуань Лин сделал несколько шагов в его сторону, а после того, как Чжэн Янь забрал Цзыдяньцзиньман, тоже пошел за ним.

Дуань Лин обернулся и с тревогой взглянул на У Ду.

У Ду, похоже, пребывал в своем обычном настроении, выражение его лица ничуть не изменилось. Стоя перед Дуань Лином, он развел руками, указывая, чтобы тот отправился в погоню за Ли Яньцю.

Дуань Лин не знал, что ему делать. Слабых и колеблющихся, не могущих принять решение в нужный момент, ждет великое несчастье, — эти слова постоянно проносились в его голове*.

* Из «Исторических записок» Сыма Цяня, слегка перефразировано.

— Поторопись и догони его, — призвал его У Ду.

— Я... хорошо.

Дуань Лин вздохнул и виновато посмотрел на У Ду. Не говоря о Ли Яньцю, У Ду защищал его чаще всего, и когда он крикнул «подожди», то сделал это из импульсивного побуждения. Теперь же, если подумать, именно У Ду имел больше всего оснований злиться.

— Больше не говори, — У Ду не хотел слушать попытки Дуань Лина объясниться. Когда он говорил, его глаза сияли. — Я не сержусь. Иди.

Дуань Лин был похож на провинившегося ребенка. У Ду добавил:

— Я правда не сержусь.

— Тогда я пойду к дяде.

Дуань Лину осталось лишь развернуться и пойти за Ли Яньцю. У Ду смотрел на его удаляющуюся фигуру, и на его губах вдруг заиграла улыбка. Он достал Легуанцзянь и, вращая запястье, сделал несколько ослепительных движений в воздухе. Толкнув дверь, он вернулся в комнату Лан Цзюнься.

Тот сидел на кушетке и размышлял про себя, не ожидая, что У Ду вернется, да еще и с мечом в руке.

У Ду слегка провел острием клинка по подбородку Лан Цзюнься, заставляя его поднять взгляд.

— Почему ты дал ему Тихую смерть? — сказал низким голосом У Ду.

— Я давно проиграл, и это поражение было сокрушительным. Какой смысл спрашивать о свойствах конкретного яда?

Брови У Ду слегка сошлись, и Лан Цзюнься добавил:

— Позволь дать тебе совет. Будь осторожен. Иногда, если сильно прижать собаку к стене, она кусается.

У Ду на мгновение задумался и вдруг произнес:

— Знаешь, почему я не собираюсь тебя убивать?

Лан Цзюнься не ответил.

— Твое место в его сердце уже потеряно, — сказал У Ду. — С того самого момента, как ты попросил о пощаде, ты проиграл.

— Тебе просто повезло, — ответил Лан Цзюнься. — Его нашел именно ты, а не кто-то другой.

— Тебе тоже просто повезло, — сказал У Ду. — Ты первый нашел его.

У Ду закончил говорить, вернул меч в ножны и вышел из комнаты.

Дуань Лин последовал за Ли Яньцю в главный зал. Он сидел на почетном месте. Дуань Лин некоторое время нервно смотрел на него, а затем, вспомнив, как он поступал с отцом, когда тот сердился, сделал шаг вперед и осторожно взял Ли Яньцю за рукав.

— Сколько раз ты уже спасал ему жизнь? — Ли Яньцю повернулся и посмотрел на Дуань Лина.
— Это он виноват в том, что ты попал в такие тяжелые обстоятельства. Почему ты настаиваешь на том, чтобы отпустить его?

— Я... я не могу смотреть, как он умирает, — беспомощно ответил Дуань Лин. — Я бы был привязан к нему, даже если бы он был просто собакой, я не должен сравнивать его с собакой, но...

— Твоя собака не стала бы тебя кусать. Не стала бы травить тебя, а потом бросать в реку.

— Может, он просто пытался спасти мне жизнь. Если он действительно хотел меня убить, почему он просто не зарубил меня мечом прямо перед лицом Цай Яня? Зачем было отравлять меня?

— Тогда ты скорее веришь, что он пытался обмануть окружающих, чтобы сохранить тебе жизнь? Если он столкнулся с такой огромной несправедливостью, почему он ничего не говорит?

Дуань Лин понимал, что с Ли Яньцю разговоры о чувствах ни к чему не приведут — нужно было придумать какое-то обоснование.

— Он никогда ничего не говорит. С самого начала он не хотел ничего объяснять. Он трижды предавал моего отца, а отец все равно доверял ему, поэтому... пока хоть что-то остается неясным в этой истории, я не могу приговорить его к смерти.

— Это потому, что у твоего отца не было никого другого.

— Потому что у него не было никого другого, он доверил жизнь своего сына человеку, который может предать его в любой момент? Будь я на его месте, я бы предпочел никого не посылать за своим сыном, чем сделать это.

— Тогда что ты предлагаешь? — просто решил спросить Ли Яньцю.

Дуань Лин понимал, что Ли Яньцю поставил перед ним довольно сложную задачу — что делать с Лан Цзюнься. Он должен был придумать обоснование, которое бы все одобрили. Только так он сможет сохранить ему жизнь.

Ведь наследник государства не мог сделать что-то только потому, что так ему больше нравилось. Иначе как он будет управлять страной в будущем? Как заставить всех безропотно подчиниться его власти? Судя по взгляду Ли Яньцю, они оба понимали, что Дуань Лину придется столкнуться с этой проблемой.

Дуань Лину стало немного грустно. Он вздохнул.

— Если бы твой отец был жив, — мягким тоном продолжил Ли Яньцю, — он бы, наверное, не стал так допрашивать тебя. Зная его, он бы сказал тебе делать все, что пожелаешь. Убить его, если хочешь, или оставить в живых — в любом случае вреда не будет. Но он — это он, а я — это я. Сын мой, я не пытаюсь тебя ни к чему принудить. Я просто не хочу, чтобы ты когда-нибудь пожалел об этом решении, не имея возможности повернуть время вспять, чтобы ты смотрел на все происходящее широко открытыми глазами.

— Я понял, — сказал Дуань Лин. — Давай в будущем вернем его и вынесем приговор перед судом. В чем бы он ни был уличен, в том и обвиним.

Выражение лица Ли Яньцю немного смягчилось.

— Думаю, через пару дней мне тоже придется вернуться, — ответил он.

— Дядя, — произнес Дуань Лин. Он не хотел расставаться с Ли Яньцю, но его беспокоило, что если он задержится здесь, то им не удастся узнать, какие неприятности могут устроить Му Куанда и Цай Янь.

— Тебе нужно вернуться, — немного поразмыслив, сказал Дуань Лин.

Ли Яньцю на мгновение задумался, а затем кивнул Дуань Лину.

— Сын мой, — произнес Ли Яньцю. — После Праздника весны, когда у тебя будет время отдохнуть, ты должен вернуться в Цзянчжоу и отчитаться о выполнении своих обязанностей. Иначе я буду волноваться еще больше.

Дуань Лин охотно согласился. В тот день они долго сидели друг напротив друга, и Дуань Лин рассказывал Ли Яньцю о планах Му Куанды. Из уважения к дяде он не осмеливался слишком откровенно говорить о догадках У Ду. Ведь как бы близки они ни были, он не должен был так непринужденно рассуждать о том, что происходит в гареме.

Дуань Лин лишь несколько раз попытался намекнуть, что, по его мнению, Му Куанда и Му Цзиньчжи могли быть в сговоре. Он успокоился лишь тогда, когда убедился, что Ли Яньцю его понял.

Ли Яньцю ответил:

— Сейчас, пока Се Ю во дворце, эти двое не доставят много хлопот. Можешь не волноваться.

Прошло двенадцать дней с тех пор, как Ли Яньцю прибыл в Е, и скоро наступит самый холодный период года. Еще две недели, и дорогу на север придется перекрыть. Если Ли Яньцю продолжит ждать, ему действительно придется зимовать в Е.

Вдвоем они решили, что Ли Яньцю отправится в путь завтра. В тот вечер он снова потребовал, чтобы Дуань Лин ночевал с ним. Когда в следующем году он вернется ко двору, у них, скорее всего, уже не будет возможности спать вместе. Этой ночью они легли на одну кровать, но продолжали разговаривать, так как ни один из них еще не мог заснуть. Дуань Лин перевернулся, подложил под голову подушку и внимательно изучил профиль дяди.

Ли Яньцю был мягким и утонченным, и, в отличие от солдатского облика отца, навеянного годами военных кампаний, в дяде чувствовалось сдержанное благородство. Даже когда он закрывал глаза, человеку подсознательно хотелось затаить дыхание.

У его дяди пока не было наследника. Прошло уже столько лет, и чиновники явно не могли молчать об этом; также было исключено, что Ли Яньцю об этом не знал. Дуань Лин считал, что сказал достаточно. Из того немногого, о чем они говорили, у него сложилось впечатление, что Ли Яньцю, скорее всего, совсем не любил императрицу Му Цзиньчжи.

— Сын мой, что ты думаешь об императрице? — вдруг с закрытыми глазами спросил Ли Яньцю.

— Она довольно мила.

За то время, что он общался с Му Цзиньчжи, Дуань Лин не почувствовал ее враждебности. Возможно, это потому, что он был с Му Цином.

— Дядя, ты собираешься взять наложницу?

— Нет. У меня есть ты. Одного ребенка достаточно. Зачем заводить еще детей?

С древних времен в императорских семьях избыток наследников редко сулил добро — это не только подрывало силы клана, но и втягивало в распри придворных, выбиравших стороны. Однако Дуань Лин искренне желал, чтобы у Ли Яньцю появился ребёнок — принц или принцесса. Тогда дворец бы стал оживленнее —нынешнее одиночество дяди казалось ему невыносимо тяжким.

Конечно, у него были и эгоистичные мотивы. Если у Ли Яньцю родится сын, Дуань Лину станет намного легче. Он сможет какое-то время побыть наследником, а потом, как только займет трон, назначить сына Ли Яньцю наследным принцем. Тогда он сможет с удовольствием путешествовать и развлекаться с У Ду.

— Если будут дети, во дворце станет оживленнее, — сказал Дуань Лин.

— Если хочешь, заведи их сам, — брови Ли Яньцю слегка сошлись. — Сколько угодно. Я воспитаю их для тебя.

Дуань Лин ощутил внезапную тяжесть в груди. В простых семьях мальчиков в тринадцать-четырнадцать лет уже сватали, а когда отец вернулся к нему, то специально спросил: «Сын мой, нет ли у тебя девушки, что мила сердцу?». Что, если следующей фразой Ли Яньцю скажет: «Пора и тебе подыскать невесту»? Как тогда быть?

Дуань Лин снова и снова прокручивал в голове эту мысль, собираясь просто сказать: «Я тоже не хочу», но он не хотел снова злить Ли Яньцю. Жениться на девушке, чтобы та стала его принцессой, было бы несправедливо по отношению к ней, а особенно к У Ду.

Ли Яньцю, не дождавшись ответа, открыл глаза, внимательно посмотрел на Дуань Лина и, коснувшись пальцами его бровей, спросил:

— Что? Не хочешь?

— Нет, — неловко ответил Дуань Лин. — Я еще не... готов к этому.

— Я просто пошутил. Ты ведь не хочешь брать никого в жены, верно?

Дуань Лин решил просто ответить:

— Нет, не хочу.

— Тогда поступай, как знаешь, — непринужденно ответил Ли Яньцю.

Дуань Лин очень удивился.

— Правда? — неуверенно спросил он.

— Самое мучительное в моей жизни — то, что я женился на нелюбимой. Дни тянулись в пустоте, жизнь во дворце напоминала тюрьму, поэтому, естественно, я не собираюсь тебя принуждать. Когда твой отец был еще рядом, он тоже говорил мне, что, когда ты вырастешь, тебе должно быть позволено делать все, что ты хочешь. Даже если ты не пожелаешь быть императором и действительно захочешь уйти, у меня не будет другого выбора, кроме как отпустить тебя.

Дуань Лин развернулся и обнял Ли Яньцю, на мгновение потеряв дар речи.

Ли Яньцю улыбнулся, беспомощно покачав головой. Только Дуань Лин прекрасно знал, что тот чувствовал себя подавленным, когда говорил ему об этом — если Дуань Лин захочет уйти, он сможет взять и уйти. Конечно, уйти от всех проблем было бы проще простого, но кому тогда он оставит эту страну? В итоге он просто вернет ее Ли Яньцю.

— Мы с твоим отцом оба отказывались от этой должности — долго упирались, — Ли Яньцю гладил Дуань Лина по голове и тихо говорил ему. — Я не решился принять это предложение. Мне казалось, что, если бы я согласился, у него было бы еще больше причин не возвращаться. И тогда я остался бы во дворце один. У тебя хотя бы есть совесть.

Дуань Лин улыбнулся и потерся лицом о грудь Ли Яньцю. Однако, когда он подумал о своем решении, с точки зрения семьи Ли, оно выглядело крайне эгоистичным.

Сейчас в его сердце бушевала сотня разных эмоций, но уже в следующее мгновение он желал лишь одного — прожить остаток дней с У Ду. Он уснул, лишь когда на горизонте забрезжил рассвет, но вскоре его снова разбудили звуки снаружи.

— Пора уходить, — донесся из-за двери голос Чжэн Яня.

Дуань Лин поднялся с постели, еще сонный, тогда как Ли Яньцю уже успел умыться, переодеться и теперь за дверью давал указания У Ду. Тот стоял по стойке смирно, слушая, и лишь изредка утвердительно отвечал.

— Нет нужды провожать меня из города, — сказал Ли Яньцю Дуань Лину.

Дуань Лин еще не до конца проснулся и, обхватив руками столб, произнес:

— Я должен.

У Ду осталось лишь накинуть на Дуань Лина меховой плащ и отправить отряд из двухсот человек сопровождать Ли Яньцю. Он ехал на Бэнь Сяо, а рядом с ним скакал Чжэн Янь. Поскольку Ли Яньцю возвращался в Цзянчжоу, он забрал с собой и Лан Цзюнься.

Прощаясь с Ли Яньцю, Дуань Лин подавлял желание взглянуть на Лан Цзюнься, напутствуя Чжэн Янь словами «будь осторожен» и повторяя те же указания. Когда они дошли до южных ворот, Ли Яньцю сказал:

— Ступай. Увидимся весной. Если ты сделаешь еще один шаг, то в конце концов уедешь вместе со мной.

Дуань Лин только и мог, что остановиться, сдерживая все те слова, которые желал произнести. Ли Яньцю сказал:

— Я напишу тебе, когда вернусь. Жди меня.

Сказав это, Ли Яньцю неожиданно вырвался вперед на коне и выскочил на главную дорогу, оставив всех позади.

Этот император действительно делал все, что ему заблагорассудится. Как только Ли Яньцю уехал, все остальные в панике попытались его догнать. Чжэн Янь даже не удосужился попрощаться и поспешно покинул город с двумя сотнями солдат Е. Дуань Лин как раз смеялся, когда вдруг заметил Лан Цзюнься на лошади, слегка повернувшегося в его сторону и смотрящего на него.

Их глаза на мгновение встретились. Лан Цзюнься ничего не произнес, направил коня в сторону и уехал, как только заметил, что Дуань Лин его увидел.

— Он уехал, — сказал Дуань Лин.

— Поехали обратно.

У Ду спустился на землю и сел на свою лошадь, забрав Дуань Лина обратно в Е.

***

Наконец-то наступила настоящая зима. Как только Ли Яньцю уехал, на Е налетела трехдневная метель. Дуань Лин не мог никуда отправиться и приступил к работе, которая накопилась за предыдущие дни.

Когда прибыл Ли Яньцю, он был в плаще, поэтому его лица никто не видел, а после его приезда У Ду разослал всю охрану в кабинеты губернатора, перераспределив всех по местам. Он и Чжэн Янь лично охраняли главный зал и место, где остановился Ли Яньцю, чтобы никто не узнал о его присутствии. Линь Юньци и остальные до сих пор не подозревали, что приехал и уехал император Великой Чэнь.

— О чем вы двое говорили прошлой ночью? — спросил У Ду.

— Ни о чем. Мы просто легли спать.

У Ду недоверчиво спросил:

— Вы просто легли спать?

Дуань Лин перебирал в памяти свои мысли и вспомнил, как слышал, что Ли Яньцю утром оставлял распоряжения У Ду, поэтому предположил, что тот уже догадывался о том, о чем они говорили прошлой ночью.

Дуань Лин оперся на У Ду, пролистывая административные отчеты, и с восторгом произнес:

— Мне действительно приснился сон прошлой ночью.

Потягивая чай, У Ду поднял бровь. Дуань Лин сказал:

— Мне приснилось, что ты стоишь рядом со мной в красном свадебном платье*.

* 凤冠 дословно «платье феникса». Феникс – символ императрицы.

У Ду чуть не выплюнул полный рот чая. Тогда Дуань Лин протянул руку, начав водить пальцами по его телу.

— Ты выглядел очень мило в свадебном платье.

У Ду залился краской и торопливо пробормотал:

— Твой господин не станет утыкивать голову шпильками и краситься! Брось эти странные мысли, мерзость!

— На тебе не было ни заколок, ни косметики, — Дуань Лин обнял У Ду за талию и, раскинувшись на нем, объяснил. — Ты был просто в платье феникса, с собранными волосами, и кланялся небу и земле вместе с молодым императором.

— И кто же этот «молодой император»? — У Ду, покраснев, с улыбкой взглянул на Дуань Лина в своих объятиях.

— Ну, конечно же, тот, кого ты назовешь.

Дуань Лин, смеясь, поднялся с коленей У Ду и с внезапной серьезностью принялся листать докладные записки. Тут он вспомнил, что прошение Фэй Хундэ, поданное еще перед зимой, так и осталось нерешенным. Хоть весной им предстояло вернуться — как и предсказывал Цинь Лун, чиновники сменялись, не считая Хэбэй истинным домом, — Дуань Лин понимал: лишь так можно было по-настоящему возродить эти земли.

— Давай соберем их всех здесь, — распорядился Дуань Лин.

Не прошло и минуты, как Линь Юньци, Ван Чжэн, Фэй Хундэ, Янь Ди и Ши Ци уже собрались в зале. Прошло уже более десяти дней с тех пор, как он их видел, и, чтобы они не строили лишних догадок, он начал со слов:

— В последнее время я был довольно изнурен, да и Зал Белого Тигра прислал кое-кого в гости, так что мне пришлось взять несколько дней отпуска.

Все понимающе закивали. Дуань Лин знал, что не мог им сказать, что гостей не было. Все-таки двести солдат отправили на сопровождение, поэтому ему пришлось сочинить правдоподобную отговорку.

Линь Юньци произнес:

— Как раз сегодня после полудня прибыло письмо от канцлера.

Правда? Дуань Лин взял у него письмо, оставляя его пока нераспечатанным.

— Я попросил сегодня всех прийти сюда, чтобы обсудить несколько крупных задач, которые нам предстоит решить весной. Мы с мастером Фэем работали над ними вместе, так что попросим его рассказать нам о них.

Фэй Хундэ заранее подготовился, и, услышав это, кивнул и начал с небольшой светской беседы, а затем приступил к изложению ситуации, в которой находился Е в течение последних нескольких лет.

Фэй Хундэ не занимал чиновнической должности при дворе, но он был главным советником Дуань Лина, и поэтому все его очень уважали. Пока Фэй Хундэ рассказывал о прошлом города, Дуань Лин спокойно открыл письмо под столом.

Все так, как он и ожидал. Чан Пин не вернулся в Е, не вернулся он и в Цзянчжоу — он пропал без вести. Му Куанда послал кого-то и хотел забрать Улохоу Му, чтобы допросить его о местонахождении Чан Пина.

— Кто это был? Где он? — неожиданно произнес Дуань Лин, прерывая Фэй Хундэ.

Линь Юньци ответил:

— Слуга из поместья канцлера.

— Его лицо было закрыто? — спросил Дуань Лин.

— Нет, лицо не было закрыто, — ответил Линь Юньци. — Может, позвать его?

У Дуань Лина появилось смутное предчувствие, что что-то не так. Если он хотел вернуть Лан Цзюнься, почему бы не послать Чан Люцзюня? А может быть, Чан Люцзюнь уже был здесь и просто не появлялся?

— Пусть пока подождет, — ответил Дуань Лин. — Давайте продолжим наше совещание.

Дуань Лин обменялся взглядом с У Ду, тот встал со своего места и вышел из комнаты, чтобы допросить посыльного.

Тем временем в главном зале Фэй Хундэ продолжил доклад: Е долгое время был беден, и ни сельское хозяйство, ни торговля не имели возможности развиваться из-за частых вторжений монголов, которые отрезали торговые пути и грабили все богатства. Теперь же, когда вновь назначенные губернатор и комендант прогнали их в двух последовательных сражениях и заключили союз с Ляо, у них будет достаточно времени на восстановление.

— Не так давно из множества вариантов мы с господином губернатором выбрали несколько подходящих для Е способов развития. Сейчас я подниму эти вопросы и обсужу их со всеми присутствующими.

— Хорошо, раз уж мы зашли так далеко, давайте пригласим и наших лейтенантов, — сказал Дуань Лин.

Его подчиненные вызвали лейтенантов, и, как только те закончили кланяться, Дуань Лин попросил их остаться и послушать.

— Первое направление — развитие животноводства и скотоводства, — продолжил Фэй Хундэ. — Большинство из сорока тысяч жителей Е, пришедших с северо-востока, занимались кочевым скотоводством и охотой. Но охота для них неподходящее занятие. Учитывая их опыт, наилучшим решением станет сочетание животноводства и скотоводства. Для этого мы сможем использовать около четырех тысяч цин* пастбищ на юго-западе Е — вдоль среднего течения реки Сюньшуй и ее притока Тяньша. К следующей зиме это даст мясо для переработки и побочные продукты вроде шерсти для торговли.

* 1 цин примерно 6 гектаров.

— Второй вариант — использовать восточную часть Хэцзяня. В горах к юго-востоку от города Хэцзянь есть рудные жилы. Мы можем вести там раскопки и добывать руду, а также развивать металлургию и выплавку железа.

— Третье — реформа земледелия. Но мы не можем продолжать заниматься им так, как раньше. В конце концов, когда людей становится больше, а пахотных земель так мало, это будет пустой тратой рабочей силы. Как только наступит весна, нам придется объединить земли и перераспределить их.

— А где мы возьмем скот для выпаса и ферм? — спросил Ши Ци. — Будет ли все это оплачивать правительство? У нас нет столько денег.

— Императорский двор выделит средства, — ответил Дуань Лин. — Не беспокойтесь о бюджете. Мы сможем купить их у Хуайина в первый же год.

— В-четвертых, разведение рыбы, а затем лесное хозяйство, — сказал Фэй Хундэ. — Заброшенные речные отмели можно преобразовать в рыбные хозяйства. По этому плану каждая семья сначала подает заявку, затем выбирает участок. После зимы лесные угодья условно распределятся между домохозяйствами, но в первый год древесины будет мало — придется совмещать с рыбоводством.

Все начали задавать вопросы, а Дуань Лин отвечал на них, думая о посланнике. Большинство вопросов — о распределении ресурсов, ответственности — они с Фэй Хундэ заранее обсудили. По сути, они перераспределяют ресурсы, выйдя за рамки традиционного землепользования. Земли, ранее принадлежавшие помещикам, изымаются и сдаются крестьянам в аренду по сниженной государственной ставке.

Фермерские земли сдаются в аренду по ставке семь десятых от урожая. Правительство берет только четыре десятых, а разницу в три десятых выплачивает дворянству.

Этот дефицит будет восполняться за счет разведения и выпаса скота, лесного и рыбного хозяйства. При идеальных обстоятельствах у них будет излишек. На эти деньги они купят чугун для кузнечного дела.

А вот что они будут делать с чугуном, это уже другой вопрос. Сперва они должны будут добыть новое оружие и снаряжение для своих войск в Е и Хэцзяне.

С учетом беженцев, которые хлынули в город в начале зимы, в Е уже насчитывалось около ста тысяч семей. Если он все предусмотрел, то зиму они переживут без особых проблем. Дуань Лин только переживал, что из-за того, что весной ему придется вернуться ко двору, он не сможет увидеть результат.

Вопросы участников совещания постепенно иссякли. Фэй Хундэ заносил в записи возникающие сложности. По завершении обсуждения Дуань Лин распорядился, чтобы Ван

Чжэн проверил данные о домохозяйствах и начал распределение территорий — так новые законы удастся внедрить сразу с приходом весны.

После долгого дня обсуждений у Дуань Лина разболелась голова, но, по крайней мере, предварительные решения были приняты. У Ду снова вошел в зал как раз в тот момент, когда собрание подходило к концу и участники начали расходиться.

— Вы закончили? — спросил У Ду.

— Да. Никаких проблем нет.

Заметив, что все собираются отчитаться перед У Ду, Дуань Лин решил, что можно обойтись и без формальностей, и отослал их. Только когда дверь закрылась, он спросил:

— Ну что?

— Кто-то приходил, — произнес У Ду. — Говорил он как-то бессвязно. Подозреваю, что с ним пришел и Чан Люцзюнь.

— Не мог же он вчера утром столкнуться с дядей на выходе из города и последовать за ним? — Дуань Лин не мог не напрячься от этой мысли.

У Ду и Дуань Лин молча смотрели друг на друга.

— Я хочу поехать и проверить, — внезапно сказал Дуань Лин.

— Куда? — спросил У Ду. — Судя по сильному снегопаду они, возможно, уже достигли Хуайина.

Дуань Лин испытывал странное чувство тревоги — такое же, как когда-то, когда его отец покинул Шанцзин. Его преследовало беспокойство, хотя логически все складывалось благополучно: Чжэн Янь и гарнизон Е сопровождали их по государственной дороге из Е в Цзянчжоу, одной из самых безопасных на севере.

Переправившись через реку Линшуй, они окажутся в Хуайине, а продолжив движение на юго-восток, выйдут к Янцзы. Проблем возникнуть не должно.

— Ну, ладно... — Дуань Лин признал, что причина, по которой он не мог мыслить здраво, заключалась в том, что он слишком тревожился. Он должен был повременить и хорошенько все обдумать.

Они сидели в комнате и глядели на снег. У Ду вдруг спросил:

— Ты подозреваешь, что Му Куанда попытается совершить покушение?

— Да... — размышлял Дуань Лин. — Давай пока не будем говорить о том, собирается ли он это делать. Как думаешь, это возможно?

— У него не так много людей. Теневая стража ему не подчиняется, а семья Му никогда не содержала частную армию, так что как он сможет совершить убийство?

— Но куда делся Чан Люцзюнь?

— Кто знает? Может, он следит за Его Величеством. Но что плохого в том, что Чан Люцзюнь узнает об этом? Когда мы вернемся в Цзянчжоу, нам уже не придется скрывать это от них. Кстати, зачем Му Куанде его убивать?

— Канцлеру Му нужно точно знать, у кого находится Чан Пин. Если он попал в руки Цай Яня, то тот использует Чан Пина против него. Как только мой дядя вернется в столицу, планы канцлера Му будут раскрыты, так ведь?

— Но сейчас никто не знает, где находится Чан Пин. Я думаю, что Улохоу Му, скорее всего, убил его. Только посмотри, как скрытно он себя ведет, как не хочет ничего говорить. Как можно поверить, что этот парень ничего не скрывает?

— Он сказал что-нибудь еще? — спросил Дуань Лин.

У Ду медленно покачал головой и начал расхаживать по комнате. Вдруг он остановился и произнес:

— В конце он сказал одну вещь: если сильно прижать собаку к стене, она укусит. Не знаю, о ком он говорил.

— Пес Цай? — Дуань Лин почувствовал, как сердце подскочило к горлу. — Или о канцлере Му?

Между бровей У Ду пролегла морщина.

— Давай сначала поговорим о Чан Пине, — продолжил Дуань Лин. — Чан Пин не вернулся в Цзянчжоу, и он не может быть в руках дяди. Если бы это было так, дядя уже сказал бы мне. Если он еще жив, то его поймал либо Яо Фу, либо кто-то из Теневой стражи.

— Это не Яо Фу. В тот день за стенами Лояна единственным человеком, входящим в его лагерь,

был Чжэн Янь.

— Тогда остаются только два варианта. Первый — Чан Пин был убит Лан Цзюнься; второй — Теневая стража забрала его обратно в Цзянчжоу.

— Ты считаешь, так думает Му Куанда? — нахмурившись, спросил У Ду.

— Это единственные два варианта. Как только Чан Люцзюнь расскажет о ходе событий, Му Куанда сделает те же два вывода, что и я.

Дуань Лин слишком хорошо понимал ход мыслей Му Куанды и сказал У Ду:

— Вот как он рассуждал: предположим, Чан Пина вернули в Цзянчжоу, и он попал в руки Цай Яня. Тогда Цай Янь узнал бы две вещи. Во-первых, что канцлер Му хочет устроить переворот — Чан Пин знает много подробностей. И второе — то, что канцлер Му уже знает, что Цай Янь — самозванец.

— Верно, — ответил У Ду. — Это, по сути, заставит Му Куанду действовать на опережение.

Дуань Лин глубоко нахмурил брови и после паузы произнес:

— Поскольку секрет попал в руки Восточного дворца, у него остается только один выход — убийство. Так как моего дяди нет в Цзянчжоу, это лучший шанс для него.

— А ты уверен, что Чан Пин признается после того, как Цай Янь его схватит? Даже если он даст подробное признание, самозванец никогда не осмелится позволить Его Величеству допросить Чан Пина. Ведь если он сознается, то во всем — личность самозванца тоже будет раскрыта.

— Да, — медленно кивнул Дуань Лин, — на месте пса Цая я бы не стал привлекать к себе внимание, так что... у нас есть вторая возможность. Что, если Чан Пин был убит Лан Цзюнься? Он знает, что, вернув Чан Пина, тот только создаст им дополнительные проблемы, поэтому он не мог его убить, но и отпустить тоже не мог. Поэтому он решил просто избавиться от него. Таким образом, Му Куанда впадет в паранойю, решив, что Чан Пин попал в лапы Восточного дворца.

Дуань Лин не мог не почувствовать, как по позвоночнику пробежал холодок.

— Лан Цзюнься загоняет Му Куанду в угол! Гениальный ход! Убив Чан Пина и сохранив молчание, он заставляет канцлера метаться в догадках и осуществлять свои планы раньше времени... Но планы Лан Цзюнься были сорваны нами! Его Величество прибыл в Е, а он сам не в Цзянчжоу, и это как раз дарует канцлеру Му прекрасную возможность!

Если у Му Куанды достаточно людей, а Чан Люцзюнь сумеет отвлечь Чжэн Яня, шансы успешно убить Ли Яньцю по пути крайне высоки. Если Ли Яньцю умрет, а Му Куанда вернет Лан Цзюнься и заставит его выступить против Цянь Ци при дворе, то он сможет сбросить наследного принца со своего места!

Это рискованный и отчаянный шаг, но в случае успеха больше всех выиграет Му Куанда!

У Ду помрачнел:

— Но с одним лишь Чан Люцзюнем он никак не сможет убить Его Величество. Кроме Чан Люцзюня, у Му Куанды нет никого, кто мог бы выступить в роли убийцы. Чан Люцзюнь, вероятно, прибыл с гонцом, и больше никого с собой не взял.

Дуань Лин промолчал, погрузившись в раздумья, и нахмурил брови.

— Ты уверен, что у канцлера Му нет других убийц?

— Му Куанда — самый влиятельный чиновник при дворе. Неужели ты думаешь, что императорский двор не испытывает сомнений, когда речь заходит о нем? Он очень умен — Му никогда не содержали большого количества приближенных, и именно так они старались не выглядеть угрозой для твоего деда. Если бы он держал частную армию в столице, думаешь, Се Ю оставил бы его в покое?

— А в Сычуани он тоже не держал?

— Не держал. Хотя в поместье Му много слуг, там нет наемных убийц. Ты же там был.

— А что, если он прячет их в другом месте? — выдвинул предположение Дуань Лин. — И никогда не использовал их?

— Он родился среди сычуаньской знати. Был чиновником столько лет, что императорский двор знает о нем все. У него нет частной армии в пределах наших границ, и еще менее вероятно, что он держит ее за границей. Убийцам нужны профессионалы, чтобы обучать их. На территории Великой Чэнь нет ни одной организации убийц, которая могла бы скрыться от глаз Зала Белого Тигра...

Не договорив, У Ду внезапно словно что-то осенило. Лицо его в одно мгновение побледнело, и он резко развернулся, бросившись за дверь.

— Подожди! У Ду! — Дуань Лин немедленно отправился за ним.

— Жди здесь, — сказал У Ду.

— О чем ты только что подумал?

У Ду вихрем ворвался в конюшню, но Бэнь Сяо уже отдали Ли Яньцю, поэтому он выбрал лучшую лошадь из тех, что есть. Он повел коня, на миг застыв в раздумьях, как вдруг подбежавший Дуань Лин схватил поводья.

— Ты знаешь, что Му Куанда держит наемных убийц? — взволнованно спросил Дуань Лин. — Кто они?

Но У Ду ошарашенно уставился на Дуань Лина, и тогда он яростно воскликнул:

— Соберите наши силы! Возьмите их всех с собой! Мы немедленно отправляемся в путь! Делайте, что я говорю!

Все в кабинете губернатора разом пришли в движение. Дуань Лин помчался через главный зал и позвал Шулюй Жуй. Тот как раз беседовал с Фэй Хундэ, он торопливо надел сапоги и выбежал на улицу.

Фэй Хундэ спросил:

— Куда вы, господин?

— Нет времени объяснять, — прошептал Фэй Хундэ Дуань Лин, — у меня срочное дело, из-за которого я вынужден уехать из города. Пока меня не будет, я оставлю Е полностью в ваших руках, мастер Фэй.

Дуань Лин вложил в руку Фэй Хундэ печать губернатора и свою личную печать. К тому времени, как он покинул кабинет, Шулюй Жуй уже привел ему лошадь. Дуань Лин надел кожаные доспехи и вскочил на коня, а У Ду выбежал вслед за ним.

— Ты не можешь поехать! — крикнул У Ду. — Это слишком опасно!

— Где ты, там буду и я, — ответил Дуань Лин. — Мы возьмем с собой все войска Е.

У Ду на мгновение умолк, и Дуань Лин протянул ему шлем. Передумав, он надел его на голову, а затем крикнул:

— Зажигайте сигнальные огни! Передайте Хэцзяню, чтобы он пришел к нам на помощь!

Это был первый сигнальный огонь, зажженный после наступления зимы, но Дуань Лин никак не ожидал, что все произойдет при таких обстоятельствах. У Ду и Дуань Лин разделились: один

направился к восточному лагерю в городе, другой — к западному. Несясь на лошадях во весь опор, они подняли по тревоге всех солдат и офицеров. Затем отправили гонцов по сигнальным путям в Хэцзянь, чтобы, соединившись с Цинь Луном, поднять всю хэцзяньскую армию и двинуть ее на юг по государственной дороге.

***

Снег валил большими, как гусиные перья, комьями, а последние отблески заката исчезали между гор за облаками, окрашивая их густые слои в кровавый цвет.

Процессия Ли Яньцю попала в снежную бурю, какая бывала раз в столетие, и пока что расположилась на перевалочной станции под горой Динцзюнь. Метель не утихала, и на реке Цан образовался слой льда. Им нужно будет дожидаться, когда буря прекратится и лед на воде уплотнится, прежде чем они смогут пересечь замерзшую реку. За ней находится восточная часть горного хребта Юйхэн, а за ним — Хуайин.

Постоялый двор был переполнен путниками со всех сторон: одни направлялись на юг из Хэбэя, другие — на север, спеша домой к празднованию Нового года. В зале разожгли с десяток жаровен, и застрявшие здесь странники расселись небольшими группами. Кто-то пил вино, кто-то вел неторопливые беседы — все ждали, когда утихнет метель, чтобы продолжить путь.

— Господин, — Чжэн Янь подошел к задней части ширмы и поставил перед Ли Яньцю коробку с едой. — Мы все еще не можем перейти реку. Лед слишком тонкий.

Ли Яньцю никогда не думал, что они здесь застрянут. Пусть он и Сын Неба, но он никогда не сможет противиться его воле.

— Выпей, — сказал Чжэн Янь Ли Яньцю. — Ты не пригубил ни капли алкоголя с тех пор, как мы отправились в путь, и я уверен, что ты уже на грани удушья.

— Я выпью, когда приеду в Хуайин. Здесь все равно нет ничего, кроме раскаленного ножа*. Жжет горло.

* Крепкая гаоляновая водка.

Чжэн Янь всю дорогу сохранял бдительность, избегая алкоголя, чтобы не наделать бед. Хотя в обычные дни Ли Яньцю нередко подтрунивал над ним, в решающие моменты господин и слуга понимали друг друга без слов.

— А где остальная часть нашей свиты? — спросил Ли Яньцю.

— Мы нашли место для всех, — ответил Чжэн Янь.

Даже просто накормить, напоить и разбить лагерь для двухсот человек — и то нелегко. Чтобы не подвергать Ли Яньцю опасности, Дуань Лин отправил с ним солдат Е. Чжэн Янь приказал им разбить временный лагерь в заброшенных домах за перевалочной базой, нарубить дров и разжечь костры, а некоторых из них поставить в дозор.

Проезжие купцы, поняв, что за ширмой обосновался высокопоставленный чиновник, старались не шуметь. К счастью, найти общий язык с человеком и с его слугой не составило труда, однако, пробыв здесь два дня, они мало о чем говорили. Желаящие заискивать и вступать в разговор заказывали вино и подносили его, но все они с признательностью отвергались Чжэн Янем.

Поэтому обитатели перевалочной станции начали догадываться, что этот человек, возможно, был чиновником, работающим за пределами столицы и возвращающимся в Цзянчжоу, а может, уездным магистратом, направляющимся к Хуайинхоу. Однако солдаты из Е отличались хорошей дисциплиной и не беспокоили местных жителей. Когда люди узнали солдат по их стандартным доспехам, это стало поводом для обсуждения.

Обсуждения касались лишь изменений в Хэбэе за последние годы. Один караван пришел с западного пути, чтобы пройти через гору Динцзюнь, ожидая, пока утихнет буря, и они смогут вернуться в Хэбэй. Когда путешественники и торговцы начали болтать о Хэбэе, кое-что из того, о чем они говорили, дошло до ушей Ли Яньцю.

Самым важным в разговоре о Хэбэе было не то, как постепенно восстанавливалось благосостояние населения осенью и зимой этого года, и не льготное налогообложение императорского двора, а то, как комендант Хэбэя У Ду всего с четырьмя тысячами объединенных войск Хэцзяня и Е дважды отбил шестидесятитысячную монгольскую орду.

Это стало знаком, что спустя три года после смерти Ли Цзяньхуна Великая Чэнь наконец-то произвела на свет полководца, способного противостоять вторжениям северных кочевников. Ровно девять лет назад, такой же зимой, с севера пришли вести о мятеже. Ли Цзяньхун, принц Бэйляна, был лишен военной власти, а его заместители после ряда перемещений заняли оборону в заставах Тунгуань и Юйбигуань. Тогда государство Ляо стало щитом на севере.

За последние три года, после поражения в Шанцзине и гибели Елюй Даши, государство Ляо, сталкиваясь с постоянными вторжениями монголов, постепенно теряло территории. Северная граница Великой Чэнь вот-вот должна была соприкоснуться с землями захватчиков, что сеяло тревогу среди населения. Однако возрождение хэбэйской армии вселило надежду в сердца многих.

— Что ты о нем думаешь? — невзначай спросил Ли Яньцю.

Чжэн Янь ответил со своего места позади Ли Яньцю:

— У него достаточно смелости и готовности отвечать за свои поступки. Как и его отец, он обладает широкой дальновидностью.

Путешественники за ширмой обсуждали губернатора Хэбэя Ван Шаня, то есть Дуань Лина. Ли Яньцю, послушав немного, не мог удержаться от воспоминаний.

— Позови кого-нибудь из них сюда, — сказал он.

Чжэн Янь вышел из-за ширмы, чтобы поприветствовать их, сначала купил для всех выпивки, а затем позвал толстого странствующего торговца.

Ли Яньцю вежливо поприветствовал его и предложил чай. Фамилия торговца была Ван, и после обмена любезностями Ли Яньцю представился как Ли, придворный историк, путешествующий на юг из Шаньдуна и направляющийся в Цзянчжоу для внесения изменений в историю.

Ли Яньцю, естественно, был похож на ученого, поэтому странствующий торговец поделился с ним некоторыми своими впечатлениями и обычаями запада, в основном связанными с тангутами и киданями.

— Зачем ты едешь в Хэбэй, друг мой? — спросил Ли Яньцю.

— Моя жена прислала мне письмо, — поведал странствующий торговец. — Она сказала, что Хэбэй освободили от налогов, а губернатор набирает купеческие караваны, чтобы сформировать государственные торговые объединения к будущей весне. Они должны будут вести дела с Шаньдуном и Шаньси.

— Как сейчас обстоят дела в Хэбэе?

— Неплохо. По крайней мере, лучше, чем на юге. На юге слишком высокие налоги — уже более десяти лет на торговом пути, ведущем в Сычуань, взимаются большие поборы. Я слышал, что, как только новый губернатор вступил в должность, он выплатил жалованье солдатам из своего кармана, так что я не думаю, что он станет выжимать последнее из народа. Видимо, двор запаниковал — если Хэбэй не возродится, люди разбегутся, и армию пополнять будет некому. Кому тогда воевать против монголов?

Ли Яньцю ответил:

— Кто-то должен охранять север.

— Да. Не знаю, что задумал Сын Неба. Интересно, когда мы сможем сразиться с ними и вернуть все назад?

Ли Яньцю выпил за него чашку чая, после чего проводил его прочь. Когда торговец вышел из-за ширмы, он рассказал своим спутникам, что тот человек был ученым, да еще и придворным историком, который в своих путешествиях желал услышать любую информацию, так что не стоило беспокоиться.

— Он слишком мягок, — произнес Ли Яньцю. — У него доброе сердце, так что, если бы сейчас были мирные, процветающие времена, он был бы просто великолепен.

Чжэн Янь не решился давать оценку. Ли Яньцю спросил:

— Как поживает тот парень в дровяном сарае?

— Я дал ему немного еды, — сказал Чжэн Янь. — Только что проверял его. Он спал.

— Зимой день короткий. Если у тебя нет важных дел, тебе тоже стоит отдохнуть.

Чжэн Янь кивнул и вышел из-за ширмы. Ли Яньцю в одиночестве пил чай, погруженный в размышления. Снаружи завывал ветер, небо темнело, а в помещениях перевалочного пункта было все так же ярко: кто-то продолжал пить вино, а кто-то непринужденно болтал.

<http://bllate.org/book/15657/1400673>